УДК 323.396(470+571:477)

ГЛУХОВА А.В.,
ЧЕРНИКОВА Г.В.

Проблемы элит в современной российской и украинской политической науке

Статья посвящена теоретико-методологическим аспектам изучения феномена элит в современной российской и украинской политической науке. Авторы анализируют различные исследовательские позиции ученых относительно определения понятия "элита", а также структуры, качества, проблем формирования, обновления и функционирования элитарных групп в постсоветской России и Украине. Обосновывается необходимость ротации политической элиты, прихода к управлению государством людей, искренне заинтересованных в модернизации страны.

Ключевые слова: элита, политическая элита России и Украины, элиты развития, постсоветский период, финансово-экономический кризис, модернизация.

В теоретических исследованиях политики как социального феномена четко различаются два парадигмальных подхода. Первый исходит из трактовки политики как взаимодействия крупных социальных образований, различающихся своим местом в системе общественного производства. Наиболее ярко этот подход представлен в марксизме, оперирующем понятиями "класс" и "классовый конфликт" в качестве теоретических инструментов анализа и прогнозирования политического процесса. Современные исследователи, работающие в рамках этого подхода, уделяют преимущественное внимание политическому поведению масс и различных неэлитных групп.

Другой, прямо противоположный подход, традиционно лежащий в основе политической науки, акцентирует свое внимание и подвергает теоретическому осмыслению тех, кто обладает политическим влиянием и принимает ответственные политические решения – лидеров и политические элиты. В данном случае акцент делается на политической иерархии в традициях основоположников классической элитистской школы – Г. Моски и В. Парето. Попытки примирить эти два подхода в рамках общей теории политики до последнего времени не имели большого успеха.

Согласно определению современного классика элитистского подхода Дж. Хигли, **элиты можно определить как личности и небольшие группы людей, которые благодаря преимуществу своего стратегического положения, занимаемого ими в крупных организациях, могущих считаться ведущими на основании каких-либо иных признаков, способны оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты[1].** Как видим, американский исследователь, вопреки этимологическому значению термина "элита" как "лучшее", "отборное", "избранное", делает акцент на стратегическом положении определенной группы людей (как правило, меньшинства) и ее способности оказывать на политические решения постоянное и значительное влияние, хотя и признает оправданность таких действий культурными и социальными факторами. Между тем в российской и украинской политической науке именно аксиологический аспект концепта элиты вызвал наиболее пристальный интерес и повышенное внимание. По мнению известного социолога Ж.Т. Тощенко, употреблять понятие

“элита” в условиях сегодняшней ситуации в России – “значит сознательно (или неосознанно) заниматься фальсификацией существующей реальности, подыгрывать низменным страстям, а в конечном счете искажать всю картину нашей действительности”[2]. Эта позиция свойственна многим отечественным и украинским ученым, весьма критично реагирующим на применение понятия, однажды введенного в научный оборот В. Парето, к анализу постсоветских реалий.

Одним из наиболее фундированных подходов к исследованию элит является подход, предложенный учеными Левада-центра Л. Гудковым и Б. Дубиным. Они справедливо обращают внимание на то, что идея элиты по своему происхождению относится к самой ранней стадии модерна, когда впервые затрагиваются проблемы универсализации или массификации общества, снятия социальных, правовых и культурных барьеров между людьми разного состояния и превращения сословного социума в достижительное и открытое общество современного типа. Однако понятие элиты наделено еще одним значением – моральным авторитетом просвещенных, соединением идеи просвещения и рационализации с идеей эмансипации, в том числе политической и социальной. Другими словами, функциональная роль понятия “элита” в социальных и политических науках заключается в том, чтобы ввести представление о движущих силах развития тогда, когда другие источники инновационного процесса (институциональные либо групповые интересы) оказываются в силу тех или иных исторических обстоятельств неясными либо неопределимыми. Тогда начинают подчеркивать силу идей, роль идеологического фактора, обеспечивая тем самым консолидацию группы, не имеющей других ресурсов и средств влияния, кроме своих убеждений[3].

Однако, как только разговор об элите переходит в разряд категорий, подлежащих операционализации и эмпирической проверке, встает ряд вопросов, касающихся состава и функций элит, а значит, также инстанций и критериев признания ее деятельности. По мнению авторов, наиболее важные из них следующие:

1. Какова специфика символических ресурсов группы? Располагают ли рассматриваемые группы достаточным авторитетом, чтобы быть признанными в обществе в качестве элиты – источника смыслов или таких достижений, которым начинают следовать другие зависимые от нее исполнительные группы? Какова природа этого авторитета, на чем он основывается – на идеях будущего, технологиях, моральной силе либо традициях, и каких именно?

2. Каковы механизмы отбора кандидатов в состав элиты? Кто отбирает, кого, на основе каких критериев, а также каковы условия институционализации и воспроизводства группы?

3. Каково воздействие элиты на социальную структуру (социальную стратификацию), как ее достижения вписываются в сложившееся социальное расслоение, как санкционируется тем самым социальный порядок?

4. Достаточен ли авторитет элиты (символический капитал, признанный экстравластными, экстрагосударственными или экстраполитическими инстанциями), чтобы ее суждения и экспертиза принимались во внимание властью, влияя тем самым на механизмы принятия решений?

В этом свете важнейшее значение имеют конкретные основы социального порядка. Держится ли он на индивидуальных заслугах и достижениях, признаваемых автономными сообществами и специальными институтами, в конечном счете – “обществом”, или, как в российском и украинском случае, задан “власть предержащими” и реализован через органы государственного принуждения? В последнем случае социальный порядок не связан с действиями элиты, в роли которой выступает назначенная сверху обслуга власти. Только в первом случае элита с ее аккумулированными ресурсами “гратификации” (уважение за общепризнанные достижения, реально полученные результаты) вписывается в социальный порядок, который тем самым начинает признаваться обществом в качестве справедливого, общепринятого и морально одобряемого. Справедливость социального порядка будет сомнительной, если она не санкционирована элитой и ее достижениями, а

легитимность власти в этих обстоятельствах неминуемо окажется слабой.

Иными словами, сами механизмы формирования элиты в открытых обществах становятся значимым фактором социальной стратификации. Поэтому центральные моменты в социологическом представлении об элите – это соединение проблематики социального продвижения (публичная, политическая, государственная или управленческая карьера) с оценками достижения – эффективности, качества действия в той или иной сфере. Именно это сочетание становится основанием для признания ***политической роли*** соответствующих индивидов (или группы): во-первых, их способности к участию в публичной, открытой политике, которая тем самым преследует общезначимые цели, а во-вторых, их достойности (морального авторитета), которая позволяет им претендовать на участие в определении стратегии и целей национальной политики. Особую трудность при этом представляют обстоятельства соединения ***культурных ценностей***, направляющих те или иные действия "кандидатов в элиту", - их идеологических установок, нравственных и интеллектуальных характеристик, - ***с функциональными требованиями квалификации*** (быть лучшим в своей области – компетентным специалистом, экспертом, короче говоря, образцом для подражания в своем деле), а также с ***правом на общественно-политическое представительство (авторитетность).*** "Только вкупе все три составляющие становятся основанием для социального признания индивида как публичного деятеля, который вправе участвовать в открытом конкурсе на лидерство в качестве представителя организаций массовой поддержки – партий, общественных движений, институтов – либо может быть кооптирован во власть через систему ее исполнительных органов", - считают Л. Гудков и Б. Дубин. Тем самым авторами предложена оригинальная теоретическая модель, чрезвычайно продуктивная в анализе характера и эффективности деятельности конкретной политической элиты [4].

Таким образом, не всякая группа носителей уникального ресурса (власти, культуры, знания и т.д.) может исполнять функции элиты в строгом смысле слова. Важнейший социологический признак так называемой элиты – ее открытость, то есть публичный характер оценки и сертификации кандидатов, квалификации их деятельности, доходов, моральных характеристик (честность, умеренность, порядочность). А это означает систематическую связь элит со всеми другими социальными институтами, функционирующими автономно от власти и ее механизмов: независимыми от государства СМИ, общественной экспертизой и прочими образованиями, которые создают среду "публичности" как непременное условие обсуждения, рефлексии над действиями представителей элиты и власти. Элита, а вернее элиты, не могут возникать и функционировать без конкурентной системы образования, конкурсной практики занятия ключевых позиций и должностей на общественной, экономической и государственной службе, которая проходит под контролем "общественности" – СМИ, организаций гражданского общества, опирающихся на суд и политические партии. Принципы и механизмы формирования элиты – это и есть разные формы контроля общества над властью, своего рода "страховка" от монополизации ею центральных функций системы и тем самым от их выхолащивания и последующей деградации. Именно профессиональная группа или культурная среда должна засвидетельствовать ценность и оригинальность достижений данного кандидата, претендующего на вхождение в состав элиты. И лишь после этого публичные выступления последнего по общественно значимым вопросам, заинтересовавшие "всех", превращают его в одного из представителей элит.

Но от этой концептуальной схемы в российской и украинской практике мало что остается. Российская и украинская "элита" представлена лишь околовластными кругами, поскольку нет никаких других образований либо инстанций, санкционирующих авторитет кандидата в элиту. Соответственно приходится говорить о "позициях элиты", или "позиционной элите", т.е. о номенклатуре. В любом случае это порученцы или назначенцы, люди, назначенные на влиятельные позиции начальством, а

стало быть, зависимые от власти и подчиняющиеся ей.

Выходит, что понятие "элита" в нынешнем российском и украинском словоупотреблении не связано напрямую с социальной структурой. Постсоветская элита лишена черт института или определенной социальной группы с ясными признаками принадлежности и механизмами группообразования. Принадлежность к элите в данном контексте не имеет отношения к продуктивности, оригинальности или образцовости достижений данного индивида или слоя. Постсоветская элита лишена свойств меритократии – это не научное либо спортивное лидерство, не героическое предпринимательство в духе Г. Форда или Б. Гейтса. Напротив, будучи социально закрытым и неопределенным множеством, российская и украинская элита не имеет отношения к задачам символической репрезентации ценностей всего целого. По существу, лица, причисляемые к элите, являются либо просто высокопоставленными "чиновниками", либо аффилированными с бюрократией специализированными социальными группами (это, в частности, анонимные или непубличные фигуры: эксперты, представители крупного бизнеса, руководители ведущих СМИ).

Термин "элита", по мнению украинского исследователя А.А. Зоткина, является продуктом мифотворчества высших слоев общества, заинтересованных в создании своего социального образа, своего имиджа "избранных" в глазах неэлитных групп[5].

Ряд авторитетных российских исследователей (Ю. Левада, Л. Гудков, Б. Дубин, Ж. Тощенко и др.) считают, что ярлык "элита" стал использоваться применительно к постсоветским странам набирающими силу политическими манипуляторами, менеджерами избирательных кампаний, политконсультантами и близкими к ним молодыми управленцами новых масс-медиа. Появление тематики элиты в постсоветском контексте было вызвано двумя противоположными причинами, а потому данное понятие отличается двойственностью и внутренней рассогласованностью. Мотивы первого рода были связаны с поиском ответа на важнейшие вопросы о потенциале модернизации, о том, где следует искать источники образцов и авторитетов для трансформации страны, для перехода от тоталитарного режима к "современному обществу" и адекватной ему форме демократического, правового государства.

Второй комплекс причин был связан с иными обстоятельствами – с тем, что бюрократия не обладала достаточным авторитетом, значительная часть ее среднего и высшего состава была дезориентирована, отчего возникала потребность сменить основания легитимности. Отвечая на этот запрос власти, группы ее интеллектуальной обслуги все чаще стали предлагать в качестве декоративного прикрытия и идеологического оформления словарь транзитологии, натягивая понятийные определения и характеристики "нормальных обществ" на посттоталитарную реальность и на советские институты и отношения. Определенная часть бюрократии, включая "реформаторов" и тех, кто их вытеснил, позаимствовала их лексику, была крайне заинтересована в том, чтобы представить нынешнее положение дел как завершенный процесс трансформации, как посткризисную ситуацию, стабилизацию и социальный подъем. По сути это был процесс социальной мимикрии, перехвата идеологически нагруженных, значимых и легко опознаваемых терминов, использования их для восстановления консенсуса между властью и бюрократией. Слово "элита" оказалось в одном ряду с такими понятиями, как "средний класс", "демократия", "выборы", использование которых применительно к российским и украинским обществам призвано снять различия между ними и западным обществом. Однако "элита" России и Украины коренным образом отличается от ее европейского аналога, поскольку несет на себе черты так называемой "эрзац-элиты" советского образца, закрытой категории лиц, сформированных из номенклатуры либо интеллигенции. Во-первых, в российском и украинском социуме отсутствуют полноценные механизмы политического, гражданского, культурного представительства социальных и экономических групп, территорий, меньшинств разного рода. Во-вторых, нет публичного

и открытого обсуждения представленных программ, точек зрения, позиций, интересов или стратегий политического действия, отсутствуют политические механизмы участия и конкуренции. В-третьих, действуют силы, либо нивелирующие потенциальные достижения и многообразие, либо значительно снижающие порог их признания.

Принципиальная непубличность общественной жизни, изолированность различных ее частей и сфер друг от друга, закрытость страны в целом от внешнего мира в советское время стали причиной деградации и самоизоляции правящей верхушки. История советской науки, прежде всего космических исследований, ракетостроения, авиации, создания ЭВМ и компьютерной промышленности, дает массу примеров того, как малообразованные и ограниченные политики заводили в тупик развитие целых областей науки и высоких технологий. Другими словами, необходимая по функциональным характеристикам гетерогенность данной группы (разнообразие специализации, компетенций, опыта и точек зрения) систематически нивелировалась вышестоящими инстанциями. При этом терялись важнейшие качества независимой элиты – ее "политичность", развитость и гибкость социального воображения, способность принимать решения с учетом многообразных факторов "на входе".

Есть еще один социологически крайне важный момент, хотя и редко обсуждаемый в литературе. Нельзя говорить об "элите", если соответствующая группа не обладает способностью воспроизводиться, от поколения к поколению сохранять и усложнять свою внутреннюю структуру, рафинировать композицию определяющих для нее либо для какой-то ее функциональной подгруппы значений и идей и – в результате – не может повышать и даже удерживать свое положение в социальной системе при смене конкретных личностей и поколенческих "волн". Без учета данного фундаментального обстоятельства невозможно отличить элиту от тех или иных активистских клик, кланов, организованных группировок. Поэтому приобретает особую остроту вопрос о механизмах сохранения и воспроизводства "элит" в современных условиях, на стадиях ослабления централизованной системы контроля (хрущевская "оттепель"), и особенно в постсоветский период.

Таким образом, российскую и украинскую "элиту" правильнее было бы, как уже говорилось, называть "позиционной элитой", подчеркивая тем самым, что эти группы являются вырожденными формами номенклатуры, заместителями (суррогатами) независимых авторитетов. В любом случае это назначенцы, люди, поставленные на влиятельные позиции властью, начальством, и, следовательно, зависимые от власти и подчиняющиеся ей. Тем не менее главный вопрос заключается в том, в какой степени можно говорить о модернизационном потенциале этой разновидности псевдоэлиты? Соответствует ли назначенная элита задачам осуществления системных реформ или же она не может выступать в качестве их субъекта?

Для проверки соответствующей гипотезы (**элита является реальным носителем ценностей модернизации, движущим началом процессов модернизации страны)** Левада-центр по заказу фонда "Либеральная миссия" провел в 2005 – 2006 гг. серию социологических исследований в России. Увы, предложенная авторами гипотеза не подтвердилась.

При эмпирическом исследовании верхних слоев политического, экономического, культурного истеблишмента России первое, с чем столкнулись социологи (если не считать явно усилившейся с приходом В. Путина социально-корпоративной закрытости тех, кого можно отнести к российской элите), было отсутствие у большинства опрошенных ощущения, что страна, ее социально-политический порядок, унаследованный характер бюрократического управления нуждаются в кардинальных реформах. Большинство респондентов не считали, что в том стратегическом курсе, которым сегодня следует Россия, необходимы принципиальные сдвиги, поскольку иначе (как гласила формулировка вопроса) ей угрожают быстрая деградация или распад[6].

Наблюдался резкий контраст между нынешней убежденностью в том, что "все хорошо" и никакие реформы не нужны, с теми умонастроениями, которые преобладали в стране в целом и во властных

кругах в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Тогда представители образованного слоя советского общества, директората, чиновничества, интеллигенции, да и более широких слоев населения остро осознавали необходимость кардинальных изменений в стране. Они не знали, куда именно следует двигаться, но представление о конце эпохи и даже всего советского уклада на рубеже 1980-1990-х было достаточно распространено в разных социальных группах.

Какую же политику государства эта "элита" считала оптимальной? В том, что страна должна развиваться, у опрошенных сомнений не было. Важно, кто, по их мнению, задает направления развития и определяет соответствующий политический курс. Абсолютное большинство опрошенных (86%) без тени сомнения полагали, что такой фигурой является исключительно тогдашний президент В. Путин, а не та или иная партия, общественная группа либо институт. Причем эта всеобщая уверенность распространяется и на московских интеллектуалов (68%), мнения которых во многом заметно (а зачастую и радикально) отличались от прочих групп респондентов. Для данной подгруппы, как и для всех остальных, Путин должен быть инициатором модернизации экономики, подъема благосостояния населения. При этом и опрошенные представители "верхов", и население страны оценивали реальные реформаторские шаги президента более чем скромно.

Такое несоответствие низкой оценки реформаторских достижений президента и готовности вверить ему судьбу страны респонденты оправдывали тем, что у В. Путина нет команды, необходимой для решения задач модернизации: подобное мнение разделяли 62 – 64% представителей российской "элиты" (еще более категоричны в этом отношении представители бизнеса и московские эксперты, где такую оценку высказывали 71 и 83% опрошенных соответственно). С ответами большинства в наибольшей степени расходились слова тех, кто, собственно, и составил опору путинского режима, – сотрудников аппарата федеральных округов, кадровый состав которых, по данным Ольги Крыштановской, в основном укомплектован бывшими сотрудниками спецслужб. В этой подгруппе столько же человек (64%) решительно утверждали, что такая команда у президента, напротив, есть. К ним приближались чиновники из ведомств исполнительной власти, "силовики" из армии и МВД, а также работники прокуратуры и судебных органов (44–47%).

Таким образом, на фоне общей убежденности опрошенных в благих намерениях президента четко вырисовывались две полярные позиции относительно его команды, Одна группа мнений сводилась к тому, что добрые намерения В. Путина остаются лишь благим пожеланием. Они декларативны, поскольку поставленные цели не могут быть реализованы из-за отсутствия квалифицированных исполнителей. Вторая группа выражала (хотя и не так категорично) уверенность в том, что необходимая команда исполнителей у Путина есть; правда, эту точку зрения высказывали в основном именно назначенные "исполнять" верховные решения, которым большинство представителей российской "элиты" отказывает в доверии и чью компетенцию не признает.

Однако само поле представлений о предстоящем развитии страны оказывается крайне расплывчатым, неопределенным и слабо проработанным. У элиты, несмотря на ее видимую консолидацию вокруг Путина, нет ни согласия в отношении будущего, ни предпочтительных политических целей. В социологическом плане это означает, что представители элиты снимают с себя функции определения и обсуждения целей (задач) государства, репрезентации интересов различных социальных групп, конкуренции за признание эффективности или правильности, оправданности соответствующей программы реализации этих целей, т.е. функции выработки и обсуждения собственно политических вопросов. Таким образом, целеполагание не является функцией нынешней российской элиты, а это означает, что в данном обществе нет политики как института[7].

На взгляд Л. Гудкова и Б. Дубина, символическая "передача" В. Путину всех полномочий для осуществления модернизации страны обусловлена еще одним обстоятельством. У большинства опрошенных из

разных подгрупп элиты, по их собственному признанию, нет ни внятных идей поступательного развития, ни способности разработать самостоятельные экономические, политические и социальные программы[8]. Отсюда попытки воспроизвести в новых исторических условиях те решения и управленческие практики, которые соответствовали эпохе индустриализма, но резко расходятся с задачами и потребностями иной, постиндустриальной эпохи и уже в силу этого обречены на неудачу.

На это обстоятельство все чаще обращают внимание и западные наблюдатели, пытающиеся понять природу конфликтов, возникающих в последнее время между Россией и странами Запада. По мнению болгарского исследователя И. Крастева, столкновение между Россией и Западом по своей природе идеологическое. Реальный источник конфронтации между Россией и Европейским союзом сегодня – это не столько даже конкурирующие интересы или разные ценности, сколько политическая несовместимость. Суть нынешнего кризиса – не столкновение демократии и авторитаризма (как явствует из истории, демократические и авторитарные страны могут легко сотрудничать), а столкновение между постмодернистским государством, воплощением которого является Евросоюз, с традиционным государством эпохи модерна, олицетворяемым Россией.[9]

Отсюда следует, что реальной причиной для беспокойства относительно будущего двусторонних взаимоотношений является полярная природа политических элит в современной России и в Европе. В отличие от бюрократических советских элит позднего периода, чуждых риска и проявлявших компетентность, когда дело касалось международных отношений и политики в области безопасности, новая российская элита – это те, кто выжил и победил в жестоких играх переходного периода. “Они чрезвычайно самонадеянны, склонны к риску и необычайно богаты. Европа не знает, как с ними разговаривать. Европейские политические элиты, сделавшие карьеру на искусстве компромисса и ухода от конфликтов, имеют дело с элитами, которые горды тем, что не берут заложников. Взаимного непонимания и недоверия, похоже, не избежать”, - считает И. Крастев[10].

В отношении украинской политической элиты, эффективности её функциональных ролей, модернизационном потенциале большинство исследователей единодушны в негативных оценках и довольно неутешительных выводах, сродни тем, что уже были перечислены выше применительно к российской элите. Так, анализируя реформаторские инициативы нынешней правящей элиты, в том числе её программные документы, а также публичный политический дискурс, большинство исследователей (В. Карасев, Ю. Якименко, И. Жданов, А. Ставицкий, В. Головко и др.) делают вывод об отсутствии у нее четких представлений о предстоящем развитии экономики и страны в целом, как не было этих представлений и в начале 90-х гг. XX в., когда Л. Кучма, обращаясь к парламентариям, произнес фразу, ставшую притчей во языцех: “Скажите мне, что надо строить, и я займусь этим!” Результаты некоторых социологических опросов элитных групп (в частности, опрос глав районных государственных администраций и чиновников органов местного самоуправления Украины в 2009 г.) показывают также, что “элитные группы не структурированы по глубинным ценностям и нет единой для всей элиты эквифинальной цели процесса (национальной идеи)”[11].

Размышляя над низкой функциональностью современной украинской политической элиты, исследователи (Ю. Якименко, И. Жданов) отмечают, что причина её — не в отсутствии знаний и умений, а в том, что у нее нет необходимости учитывать интересы общества[12]. Эта необходимость может диктоваться или нравственными принципами элиты, или действенными механизмами ее политической ответственности, или давлением гражданского общества. Двух последних факторов в Украине пока нет.

Анализируя роль украинской постсоветской элиты в политическом управлении и в общественной системе в целом, эксперт И. Рожкова отмечает, что полученный элитой вследствие обретения Украиной государственной независимости политический аванс в виде общенационального статуса не был реализован в

главном – выполнении ею функции по определению и реализации стратегических ориентиров развития общества. Показательной в этой связи является...готовность *(в 2007 г. – прим. авторов)* ключевых политиков (президента, премьера) согласиться с тем, чтобы общенациональные ориентиры определялись извне (разработка западными специалистами программы реформ для Украины по заказу самой крупной украинской финансово-промышленной группы – "Систем Кэпитал Менеджмент")[13].

Аналогичные выводы делает и другой исследователь - А.В. Ставицкий[14]. Изучая характер и мотивацию деятельности украинской правящей элиты в условиях глобализации, автор отмечает: "С кем быть" для лидеров страны становится важнее, чем "каким быть", потому что в этом они видят решение тех проблем, с которыми столкнулась Украина за годы независимости, совершенно не озабочиваясь тем, что им самим надо делать, чтобы Украина стала лучше".

В ряде сравнительных исследований[15] также акцентируется внимание на низком потенциале политических элит России и Украины, свидетельством чего является отсутствие качественных изменений в экономике двух стран, а также в режиме функционирования политической власти и управления, пораженного коррупцией. Среди причин низкой эффективности авторы называют доминирование патрон-клиентных отношений и клановой системы формирования элит, нивелирование меритократического принципа отбора элит, слабость модернизационных ценностей в мотивационной структуре правящих элит и др.

Кроме того, проанализировав политическую практику правящей элиты Украины за последние десятилетия, Ю. Якименко, И. Жданов выделают среди прочего и такие особенности её функционирования, как:

– ***отсутствие механизмов ответственности политической элиты перед обществом за провозглашенные или принятые ею документы программного характера***. Ни одно из правительств, уходя в отставку, не отчитывалось о выполнении собственной программы. Программы политических партий по сложившейся практике не предполагают ответственности перед избирателями или даже членами партий за их выполнение. Предвыборные программы партий имеют преимущественно конъюнктурный характер и не рассчитаны на долгосрочную перспективу и кропотливую работу по их выполнению;

– **ущемление свободы СМИ с целью ограничения распространения критической (незаангажированной) информации о действиях правящей элиты;**

– ***организация правящей элитой искусственной поддержки (легитимации) гражданами ее политических решений.*** Наглядные примеры за последние двадцать лет — "всеукраинский референдум" 2000 г., "всенародное обсуждение" президентского проекта политической реформы в 2003 г. *(а также события, развернувшиеся на Майдане в 2004 г. – Прим. авторов).* К сожалению, по справедливому выводу Ю. Якименко и И. Жданова, элита использует средства прямой демократии для достижения своих собственных целей, а не тех, которые являются действительно важными для страны;

– невосприятие правящей элитой оппозиции (в т.ч. парламентской) в качестве политического оппонента, необходимого для конструктивной коррекции собственных действий. Нынешняя правящая элита, по мнению Ю. Якименко и И. Жданова, рассматривает оппозицию как угрозу собственному статусу, власти и собственности. Об этом свидетельствуют применение к политическим лидерам оппозиции методов административного и силового давления, ограничение ее доступа к СМИ и иные действия[16]. На **неспособность элиты к длительной, конструктивной работе в формате "правящая элита - оппозиция" указывает и исследовательница И. Рожкова [17].**

Показателем низкого качества функционирования политической элиты Украины является также, по мнению Ю. Якименко и И. Жданова, неадекватное представительство общественных интересов в парламенте и политических партиях. Так, если в течение первых лет независимости партии создавались преимущественно в ответ на общественные запросы, представляли и отстаивали определенную политическую идеологию, то, начиная с середины 1990-х

годов, — все чаще для легализации, защиты и продвижения интересов разных групп самой элиты[18].

Таким образом, "элита в Украине не может на сегодняшний момент выполнять качественно функции, возложенные на нее, из-за относительно низкого уровня профессиональной подготовленности, неумения договариваться и согласовывать свои интересы, все большего отчуждения элиты страны от населения", – подводит итог украинская исследовательница А.И. Сагирова[19].

Наряду с невысоким качеством управленческих функций у украинской и российской политической элиты есть и еще одна общая черта. Речь идет об активно вербализуемой ею (элитой) идее модернизации страны. Однако, как показывает политическая практика последних десятилетий двух стран, идея модернизации на деле - это не стратегия развития страны либо реформ, а легитимационная составляющая любых представлений о власти, часть ее легенды. Поэтому прочие идеологемы и представления о предпочтительности пути развития страны мало связаны с этим довольно туманным комплексом пожеланий и проекций. Иначе говоря, и российские, и украинские политические элиты связывают перспективы "модернизации" с усилением государства и повышением его роли в мире, а не с эмансипацией общества от него, с ограничением государственно-административного произвола или с политикой последовательной деэтатизации, как это было в большинстве стран Европы в XIX и в начале XX столетия. Такому пониманию соответствуют и материальные интересы новой номенклатуры, приватизировавшей в свою пользу как госсобственность, так и часть распределительных, контрольных и других функций государства.

Вместе с тем в последнее время появились новые исследования элитных групп, ломающие многие устоявшиеся стереотипы и заставляющие по-новому взглянуть на современную элиту Украины и России[20]. Так, некоторые авторы (А.А. Зоткин, М.Н. Афанасьев) ставят под сомнение многие доминирующие в российском и украинском информационном пространстве тезисы, в том числе о несоответствии нынешних правящих групп высокому званию "элита", о необходимости ответственности власть имущих перед обществом. Эти тезисы, по мнению указанных авторов, относятся к разряду политико-идеологических мифологем, которые едва ли могут быть материализованы в реальной политической жизни[21].

Опираясь на результаты ряда социологических опросов, исследователи делают выводы о том, что при всей своей культурной ограниченности и общественной слабости, украинская и российская элиты все же обладает определенным потенциалом общественного развития. Так, проведенный в марте-апреле 2009 г. Национальной академией государственного управления при Президенте Украины опрос чиновников органов местного самоуправления показал, что большая часть из них не разделяла ценностей действовавшего в то время Президента В. Ющенко (русофобия, Голодомор, пропаганда деятельности ОУН-УПА и т.д.). Этот сегмент властвующей элиты позитивно относился к укреплению добрососедских гуманитарных и экономических отношений с Россией, повышению статуса русского языка, бережному отношению к совместной истории стран-соседей[22].

Еще более убедительными выглядят результаты социологического опроса, проведенного под руководством М.Н. Афанасьева в 2008 г. в России[23]. Следует, правда, уточнить, что в качестве объекта данного опроса исследователи выбрали не господствующую верхушку, а более широкий верхний слой общества, так называемые ***элиты развития***. К последним М.Н. Афанасьев относит рейтинговые и статусные верхи семи основных социальных групп (государственной власти и управления; предпринимательства; менеджмента; юриспруденции; науки и образования; здравоохранения; массовой информации и публичной экспертизы). Именно эти элитные группы, считает исследователь , выступают той средой, где в первую очередь происходит генерация новых социальных тканей, создание и рост ***общественного капитала***. Показатели участия в различных общественных объединениях у них заметно выше, чем в среднем у населения. По данным указанного опроса, 62%

респондентов из элитных групп воспринимают себя членами той или иной добровольной ассоциации (это не считая "своей команды" по месту работы) [24].

В элитах развития явно преобладает критический взгляд на сложившуюся в стране систему управления и ее результативность. Как известно, правящая администрация рассматривает выстроенную в 2000-е годы вертикаль власти в качестве своего главного достижения и залога социальной стабильности. Но именно в этом центральном пункте мнение правящей администрации резко расходится с мнением национальной элиты: абсолютное большинство участников опроса считают, что мероприятия по укреплению вертикали власти в итоге привели к чрезмерной концентрации власти и бюрократизации всей системы управления, снизив тем самым ее социальную эффективность. Такой разворот общественного мнения в элитных группах, по мнению автора, со всей очевидностью обнаруживает новые и важные социальные обстоятельства.

Во-первых, ***укрепление вертикали власти более не воспринимается продвинутой частью*** (и вряд ли только этой частью) ***российского общества в качестве перспективной государственной идеи;*** эффективность этого постулата – как для мобилизации воли нации, так и для легитимации правящего режима – сегодня крайне низка.

Во-вторых, ***главным пунктом социальной и политической повестки национального развития отныне становится качество государства***.

Как следует из результатов опроса, российские элитные группы еще докризисной весной 2008 года фиксировали ***функциональные провалы сегодняшнего государства*** на жизненно важных направлениях социального развития: уменьшение разрыва в доходах между богатыми и бедными; решение проблемы доступного жилья; обеспечение права на справедливый суд; развитие здравоохранения[25]. Кроме того, преобладание негативных и крайне негативных оценок обнаруживает ***сферы явного неблагополучия*** в таких государственных делах, как обеспечение свободных выборов, развитие образования, установление и поддержание единых рыночных правил, обеспечение личной безопасности граждан и защита права частной собственности. Велико в элитных группах недовольство тем, как государство определяет и реализует национальную экономическую стратегию.

По мнению М.Н. Афанасьева, российская элита развития определилась с цивилизационным выбором, если под таковым понимать выбор институциональных основ развития страны[26]. Вопреки распространенным утверждениям, абсолютное большинство опрошенных представителей элитных групп (причем абсолютное большинство во всех группах, за исключением силовиков) не разделяет представления о том, что развитие российской нации должно зиждиться на безусловном примате государства в общественной и хозяйственной жизни. Элитные группы *(как в России, так и в Украине - примеч. авторов)* практически едины в понимании того, что национальные системы жизнедеятельности необходимо развивать на следующих базовых принципах: верховенство закона, в том числе над властью, плюс конкуренция в экономике и политике[27].

В какой мере либеральные умонастроения в элите способны скорректировать политический курс нынешней власти в России и Украине? При более открытой и чуткой к общественному мнению политической системе могла бы произойти смена правящей администрации и (или) политического курса. Но отстроенная в 2000-е годы вертикаль власти в России (и выстраиваемая нынешней властью в Украине) стремится уменьшить, а то и вовсе исключить зависимость правящей администрации от воли и мнений управляемых, в том числе и элитных групп. Многие эксперты не раз предупреждали, что правящие верхи загоняют себя и общество в институциональную ловушку, поскольку бюрократические механизмы преобразований на поверку могут оказаться механизмами углубления кризиса и системной стагнации[28].

"Наша институциональная ловушка – это трудноизменяемый порядок функционирования государственных и политических учреждений, который в значительной степени определяет, формирует, рихтует общественное поведение людей", –

считает М.Н. Афанасьев[29]. Поэтому, говоря о преобладающих сегодня в российских элитах мнениях и желании перемен, нужно делать некоторые оговорки. С одной стороны, российские элиты в большинстве своем разделяют программный тезис Д. Медведева (в бытность его президентом) о том, что "свобода лучше несвободы", и готовы принять его за идейную основу национальной консолидации. Однако, с другой стороны, отечественные элитные группы не готовы к тому, чтобы самим начать общественные преобразования, ибо воспринимают себя и действуют "как положено", то есть как объекты управления. Им не хватает "субъектности", т.е. способности к коллективным действиям, и воли к определению государственной политики. "Успешные люди новой России практикуют главным образом ***стратегии индивидуального приспособления***, чураются общественной активности и часто склонны к ***социальному цинизму. Востребованная системой и доведенная до совершенства индивидуальная приспособляемость превратила российскую элиту в элиту приспособленцев***", – считает автор исследования [30].

Таким образом, потребительский приспособленческий индивидуализм и взаимное недоверие в элитах вкупе с особенностями "суверенной демократии" сильно затрудняют нормальный политический выход из кризиса – через образование реальных обновленческих партий либо фракций и блоков. Однако разница потенциалов между довольно либеральными элитами и олигархической системой бюрократического капитализма заметно нарастает, особенно в ситуации продолжающегося финансово-экономического кризиса, приведшего среди прочего к обострению конкуренции за ресурсы в элитных группах вообще и в господствующей элите в частности. Это актуализирует необходимость корректировки государственного курса. Той части государственных верхов, которая возьмется за системное обновление, и заинтересованным в таком обновлении элитным группам России и Украины придется искать выход из институциональной ловушки, т.е. преодолевать ригидность политической системы, модифицируя ее таким образом, чтобы из механизма стагнации она превратилась в механизм общественных преобразований. Одним из главных условий трансформации этого механизма должна стать ротация политической элиты, приход к управлению государством людей, искренне заинтересованных в модернизации страны и готовых приложить все усилия для решения этой ответственной и неотложной задачи. Исследование этих процессов, в буквальном смысле слова судьбоносных для будущего России и Украины, должно стать, на наш взгляд, приоритетным для отечественной и украинской элитологии в ближайшей перспективе.

---

[1] Хигли Дж. Элиты, вне-элитные группы и пределы политики: теоретический ракурс / Дж. Хигли // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб.ст. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 35.

[2] Тощенко Ж.Т. Элита? Кланы? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 123.

[3] Гудков Л.Д. Проблема "элиты" в сегодняшней России: Размышления над результатами социологического исследования / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Ю.А. Левада. – М.: Фонд "Либеральная миссия", 2007. – 327 с.

[4] Гудков Л. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли "элиты" / Л. Гудков, Б. Дубин // Pro et contra. № 3 (37), май – июнь 2007. С. 76.

[5] Зоткин А.А. «Львы» и «Лисы» украинской политики: О властвующей элите. / А.А. Зоткин; НАН Украины, Ин-т социологии. – Киев: Наук. думка, 2010. – С. 77.

[6] Гудков Л. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли "элиты" / Л. Гудков, Б. Дубин // Pro et contra. № 3 (37), май – июнь 2007. С.73 – 97.

[7] Гудков Л.Д. Проблема "элиты" в сегодняшней России: Размышления над результатами социологического исследования / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Ю.А. Левада. – М.: Фонд "Либеральная миссия", 2007. – С. 131.

[8] Гудков Л. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли "элиты" / Л. Гудков, Б. Дубин // Pro et contra. № 3 (37), май – июнь 2007. С. 89.

[9] Крастев И. Россия как "другая Европа" // Россия в глобальной политике. Т. 5. – № 4. – Июль – август. 2007. С. 44.

[10] Там же.

[11] Сибиряков С.А. Политико-управленческая элита и общественное сознание украинского общества в условиях смены внешнеполитического

курса страны / С.А.Сибиряков [Электронный ресурс]. Текст доклада для интернет-конференции 2010 г. – URL: http://ashpi.files.wordpress.com/2010/05/sibirjakov2.doc.

[12] Якименко Ю. Украина в XXI веке: вызовы для политической элиты / Ю. Якименко, И. Жданов [Электронный ресурс] // Зеркало недели. № 44 (469) 15 — 21 ноября 2003. URL: http://www.zn.ua/1000/1550/43795/.

[13] Рожкова И. Особенности формирования политической элиты в Украине в постсоветский период / И. Рожков [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал "Евразийский дом". 19 июня 2007 г., Киев. – URL: http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru/&nic=expert&pid=1144.

[14] Ставицкий А.В. Украинская "элита": идентичность и глобальный выбор / А.В. Ставицкий. – Севастополь: Рибэст, 2013. С. 32.

[15] Глухова А.В. Политические элиты России и Украины в конце XX – начале XXI в. Сравнительный анализ / А.В. Глухова, Г.В. Черникова. – Lambert Academic Publishing. 2012. – С. 137; Цыплакова Е.П. Роль элит в процессе политических трансформаций на постсоветском пространстве (на примере России и Украины) / Е.П. Цыплакова [Электронный ресурс]. Автореф. ... дис. канд. полит. н. – СПб., 2011. – URL: http://www.ceninauku.ru/page_25728.htm

[16] Якименко Ю. Указ. соч.

[17] Рожкова И. Указ. соч.

[18] Якименко Ю. Указ. соч.

[19] Сагирова А.И. Особенности политической элиты в Украине / А.Н. Сагирова //Материали за VII международна научна практична конференция "Ключови въпроси в съвременната наука". Том 23. Политика. Философия. София "Бял ГРАФ- БГ" ООД. 2011. С. 21–24.

[20] См.: Зоткин А.А. Указ. соч.; Будущее Центрально-Черноземного региона в контексте общероссийских политических процессов / Под ред. А.В. Глуховой. Воронеж: Воронежская областная типография – издательство им. Е.А. Болховитинова, 2008. – 195 с. и др.

[21] Зоткин А.А. Указ. соч. С. 9.

[22] Сибиряков С.А. Указ. соч.

[23] Афанасьев М.Н. Российские элиты развития: запрос на новый курс / М.Н. Афанасьев. – М.: Фонд "Либеральная миссия", 2009. – 132 с.

[24] См.: там же. С. 96.

[25] См.: там же. С. 96 – 97.

[26] См.: там же. С. 97.

[27] См.: Афанасьев М.Н. Указ. соч. С. 97; Якименко Ю. Указ. соч.

[28] См.: Глухова А.В. Политические элиты России и Украины: попытка сравнительного анализа / А.В. Глухова, Г.В. Черникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. 2011. № 1. С. 12; Глухова А.В. Политический конфликт: механизм или тормоз российской трансформации? / А.В. Глухова// Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: Ежегодник 2006 / Российская ассоциация политической науки; Гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 228–244.

[29] Афанасьев М.Н. Указ. соч. С. 101.

[30] Там же.